

О функциональных преобразованиях словообразовательных моделей в истории языка¹

К середине XX в. основным пунктом критики этимологических исследований стало преобладание так называемой «корневой этимологии» — невнимание к реконструкции всей полноты словообразовательной структуры слова. Несколько позднее О. Семереньи назвал соответствие этимологического решения правилам словообразования в качестве второго по значимости критерия оценки этимологических толкований (Семереньи 1967: 9). В 1957–1959 гг. на филологическом факультете МГУ был создан коллектив для подготовки этимологического словаря русского языка, и С.Б. Бернштейн проявлял большое внимание к начинающим этимологам, беседуя с нами о принципах этимологического исследования. Когда С.Б. Бернштейн в 1960 г. спросил меня, почему, интересуясь этимологией, я взяла тему кандидатской диссертации по словообразованию, я обосновала свой выбор именно наибольшей надежностью словообразовательного критерия для этимологии, а соответственно — необходимостью изучения древнерусского словообразования. Дальнейший опыт показал, что словообразовательный анализ в этимологии (как, впрочем, и фонетический, и семантический) весьма осложняется необходимостью учитывать многоаспектные исторические преобразования языковых структур — словообразовательных моделей.

* * *

Основой процедуры словообразовательного анализа является принцип соотносительности словообразовательных аффиксов и производящих основ — возможность выделения аффикса/производящей основы только при возможности выделения соответственно производящей основы/аффикса. Далее, в функциональные характеристики аффиксальных моделей входят определение частеречного состава производящих основ и категориальная семантика образующих по соответствующей аффиксальной модели производных.

Употребление словообразовательных аффиксов в современных славянских языках свидетельствует о полифункциональности большинства из них. Относительно аффиксов, реконструируемых для праславянского периода (а иногда и для ранней истории отдельных языков), обычно признается весьма ограниченная функциональная нагрузка (см., например, Vaillant. Gramm. compar. IV), соответствующая представлениям об индоевропейских источниках аффиксов. Вследствие этого в практике этимологических исследований нередко сомнения относительно возможности реконструкции в словах опреде-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-04-00011а).

ленных аффиксальных моделей, с исконными функциями которых (суффиксов, префиксов) как будто не согласуются их функции в реконструируемых структурах (см. сомнения о возможности предположения орудийной модели с суф. *-s(lo)* для слав. **kъrmyslo/*čъrmysli*).

Представляется, что признание длительности истории функционирования праславянских словообразовательных моделей необходимо предполагает допущение их функциональных преобразований, обусловленных различными факторами.

Следует обратить внимание на некоторые существенные факторы и, соответственно, типы (направления) функционального преобразования аффиксов (=аффиксальных словообразовательных моделей).

Прежде всего, при значительной продуктивности аффиксальной модели весьма существенным для ее дальнейшего функционирования является развитие значений производных. Если это развитие достаточно однотипно, то функции аффикса могут быть отождествлены с преобладающей новой категориальной семантикой производных. Это определяет соответствующее употребление аффикса для новых образований, а именно – с иным кругом производящих основ и иной семантикой производных. Например, для отглагольных производных с суф. *-ьба* характерно семантическое развитие от обозначения действия до его результата: ср. рус. *ходьба – городьба*. Результатом развития значения конкретного предмета или предметного множества стала возможность соединения суффикса с именными основами – ср. рус. *голытьба*, диал. урал. *косыньба*: *драть косыньбу* ‘драть за волосы’ – Я вот тебе косыньбу-то надеру (СРНГ 15: 93–94) – от *косыни* ‘космы, волосы’ (СРНГ 15: 93).

Продуктивность образований с определенным аффиксом способствует развитию у него функции «усилителя» семантики, которая первично формировалась с его помощью, так что аффикс получает способность присоединяться к производящим основам, лексическое значение которых изначально соответствовало категориальной семантике образуемых с участием этого аффикса производных. Например, суф. праслав. **-lo* и **-dlo* > рус. *-ло*, праслав. **-slo* изначально образовывали отглагольные имена со значением орудия, типа праслав. **greblo*, **proglo*, **vezslo* > рус. *весло*, рус. *помело*. Многочисленность подобных производных способствовала расширению круга производящих основ путем включения в него имен существительных с собственно орудийным значением, так что присоединение орудийного же суффикса не изменяет лексическое значение производящего имени, лишь формально подчеркивая его специальным словообразовательным средством: ср. чеш. *beran* ‘копер’ → *beranidlo* ‘копер, баба, молот’. Подобное употребление суф. *-lo* – как средства уточнения, усиления орудийной семантики — можно видеть в образовании праслав. **kъrmyslo/*čъrmysli* от именной основы **kormys-* (производной от *korma*, с исходной семантикой ‘палка’ – Трубачев 1974: 40–41). Близко к этому случаю толкование праслав. **remeslo* как производного с суф. *-lo* от утра-

ченной славянскими языками именной основы *remes-*, соответствующей лит. *remėšas* ‘плотник’ (Vaillant. Gramm. compar. IV: 553).

Следующим этапом этого функционального развития часто является присоединение суффикса к именам с собственным лексическим орудийным значением для образования названий деталей тех же орудий или непосредственно связанных с ними (то есть как будто для «уточнения» значения): ср. *цеп* → диал. *цетило* ‘рукоятка цепа’, *кнут* → *кнutowило* ‘рукоятка кнута’ (СРНГ 13: 345), *ступа* → диал. урал. *стутило* ‘пест’ (СрУр VI: 71), праслав. **bьrdo* → **bьrdillo* ‘набилки’. О функции усиления, акцентирования исходной семантики модели с суф. *-ло* свидетельствует дальнейшее развитие переносного значения: ср. *очен* ‘часть колодезного журавля’ → диал. урал. *оченало* ‘высокий, сильный, но ленивый человек’ (СрУрДоп 389). Это направление семантического развития производных с *-ло* определило далее функциональное изменение суффиксальной модели по описанному выше типу, а именно: появляются образования с семантикой предметов большой величины с негативной коннотацией от имен существительных не-орудийного значения: ср. *жердь* → диал. яросл., моск., костр., вят., олон. *жердילו* ‘о высоком, худощавом человеке неуклюжего телосложения’ (СРНГ 9: 131), причем в *жердь* с некоторой натяжкой можно предполагать элемент орудийной семантики, но ср. *мужло* пск., твер. ‘высокорослый мужчина, дылда’, пск., твер., нижегор. ‘грубый, необразованный некультурный человек, невежа’ (СРНГ 18: 335), урал. *деревлó* ‘большое дерево’ (СРНГ 8: 13).

Функции «усилителей» исконной семантики (особенно негативной коннотации) могут приобретать префиксы: ср. *гады* → диал. селигер. *безгадь* ‘мелкие мошки, комары’ (Селигер 1: 33). Особенно очевидно это в случаях избыточного присоединения к словам с негативной коннотацией префикса *не*: перм. *неунорóвный* ‘норовистый’, *неуйма* ‘много’ (Перм. сл. 1: 596), алт. *некорячливый* ‘никуда не годный’ (Алт. сл. 3, I: 148) – при *корячливый* ‘неговорчивый, упрямый’ (СРНГ 15: 43). См. обширный материал об этой функции *не* в работах (Толстой 1971; Петлева 1998). Вероятно, функцию усилителя негативной семантики можно предполагать и для *не-* в праслав. **nenaviděti*, **nenavistь*, учитывая энантиосемию в продолжениях праслав. **naviděti*, **navistь* в славянских языках. Продолжения праслав. **naviděti*, при преобладании значения ‘навестить, зайти’, представлены также с семантикой эмоций: с одной стороны, сербохорв. *návidjeti*, чеш. *náviděti*, ст.-полск. *navidzieć*, ст.-рус. *навидѣти*, рус. диал. *навидеть*, укр. *návidumi*, блр. диал. *навідзець* со значением ‘любить’ (ЭССЯ 23: 234–235), но, с другой стороны, также сербохорв. *návidemu*, ст.-чеш. *náviděti* (там же), рус. диал. пск. *навидеть* (Псков. сл. 19: 272) значат ‘ненавидеть’; то же в продолжениях **navistь*: ст.-чеш., чеш. редк. *návist* ‘любовь’, но сербохорв. устар. *návist* ‘злоба’, ст.-чеш. *návist* ‘враждебность’, блр. диал. *návisць* ‘ненависть’, *návись* ‘злоба’ (ЭССЯ 24: 9), рус. диал. *навість* ‘ненависть’ (Псков. сл. 19: 274). Поскольку во всех языках,

где **naviděti* и **navistь* имеют негативную семантику, представлены и продолжения **nenaviděti* и **nenavistь* с той же семантикой, очевидна усилительная функция префикса *ne-* в этих последних.

С продуктивностью орудийных **-dlo* и **-lo* связан, очевидно, также следующий тип их функционального преобразования в славянских языках — расширение их функции за счет ориентации в качестве производящей основы как будто на глагольно-именное словосочетание с сопутствующим «свертыванием» этого словосочетания до одного имени, так что аффикс присоединяется к имени, называющему объект воздействия орудия, которое обозначается производным существительным: ст.-славц. *ušadlo* ‘приспособление для **чистки ушей**’ (Histor. sloven. VI: 251), рус. диал. *грязлó* ‘гребло, волокуша, поперечная дощечка с шестом для **сгребания сора, грязи, снега**’ (СРНГ 7: 189).

Таким образом, существенными факторами функциональных преобразований аффиксальных словообразовательных моделей являются развитие семантики соответствующих производных образований и продуктивность моделей в их первичных функциях, способствующая акцентированию семантики производных при уменьшении роли частеречных характеристик, а затем и семантики производящих основ.

Продуктивность определенной словообразовательной аффиксальной модели часто обнаруживается появлением аффикса с известными функциями в образованиях, семантика которых не соответствует этим функциям, а в морфологической структуре присутствуют следы смешения аффиксов, что свидетельствует о морфологическом преобразовании — уподоблении исторически закономерного аффикса сходному по структуре и более продуктивному: таквы многочисленные случаи ориентации на модель с суф. *-dlo* в чешской лексике, типа чеш. *nepohodlný* ‘непригодный’ (Kott II: 132) — вставка *-l-*, ст.-чеш. *nezřetelhný* (наряду с *nezřetelný* ‘неявный, невидимый, неизвестный’ (StěSl 6: 907) — уподобление производного с суф. *-tel-* образованию с *-dl-*. Аналогичным образом продуктивность отглагольных прилагательных с суф. *-l-* объясняет появление, наряду со ст.-чеш. *puhý, přepuhý* ‘(о золоте) чистый, без примесей’ варианта *puhý, přepuhlý* (StěSl 25: 445). Такова и сущность преобразования в русском языке заимствования *milá* → диал. сарат. *miló* (СРНГ 27: 29).

Уже приведенный выше материал различной хронологической приуроченности свидетельствует о том, что подобные преобразования возможны на различных хронологических уровнях в истории языка, а потому должны учитываться при реконструкции словообразовательных структур в процедуре этимологизации.

ЛИТЕРАТУРА

- Алт. сл. — Словарь русских говоров Алтая / Ред.: И.А. Воробьева, А.И. Иванова. Т. 1–4. Барнаул, 1993–1998.
- Петлева 1998 — Петлева И.П. Еще раз о *ne* — не ‘не’ // Слово и культура. Т. I. М., 1998,

246–250.

- Перм. сл. – Словарь пермских говоров / Сост.: Г.В. Бажутина, А.Н. Борисова, И.А. Подюков, К.Н. Прокошева и др. Вып. 1–2. Пермь, 2000–2002.
- Псков. сл. – Псковский областной словарь с историческими данными / Ред.колл.: Б.А. Ларин, А.С. Герд, С.М. Глускина и др. Вып. 1–19. Л., 1967–2008.
- Селигер – Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь / Под ред. А.С. Герда. Вып. 1–2. СПб, 2003.
- Семереньи 1967 – Семереньи О. Славянская этимология на индоевропейском фоне // ВЯ 1967. №4. 3–25.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Соколетов (вып. 24–42). Л.–СПб., 1966–2010.
- СрУр – Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А.К. Матвеева. Т. I–VII. Свердловск, 1964–1988.
- СрУрДоп – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.
- Толстой 1971 – Толстой Н.И. *He* → не ‘не’ // Фонетика, фонология, грамматика. К 70-летию А.А. Реформатского. М., 1971. 282–287.
- Трубачев 1974 – Трубачев О.Н. Наблюдения по этимологии лексических локализмов (славянские этимологии 48–52) // Этимология 1972. М., 1974, 20–41.
- Histor. sloven. – Historický slovník slovenského jazyka / Ved. red. M. Majtan. I–VI. Bratislava, 1991–2000.
- Kott – Kott F. Št. Česko-německý slovník. D. I–VII. Praha, 1878–1893.
- StčSl – Staročeský slovník / Hl. red. B. Havránek (sv. 1–12), V. Křístek (sv. 13), J. Petr (sv. 14–20), I. Němec (sv. 21–26). Sv. 1–26. Praha, 1968–2008.
- Vaillant. Gramm. compar. IV – Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. IV. La formation des noms. Paris, 1974.